

— «Твой голос, милая, выводит звуки родимых песен с диким совершенством; спой, Мери...», — обращались к вашей героине в недавней постановке «Маленьких трагедий» Пушкина. Вы сами пе-ли?

— Да. То есть во время съемок я пела, иначе не смогла бы сыграть, но взяли все-таки фонограмму профессиональной певицы.

— Вы работали с очень интересным режиссером нашего кинематографа М. Швейцером, трудно было перестраиваться после театра?

— Вы знаете — нет. Он удивительный человек. В нем ничего от нашего привычного представления — шум, команды через мегафон, суета на площадке... Он с каждым говорил как будто «на ушко». Выяснял: как каждому из нас удобнее, — и никаких общих заданий. Каждый делал свое дело и с интересом встречал отношение партнеров — все было «по правде». Такой у него метод. И актер лучше понимает, когда с ним так доверительно.

Пушкин... Каунас, где снимали эти кадры, как-то очень повлияли на меня. В этом времени особый аромат для меня есть, хорошо думалось. Познакомились с актерами из Паневежисского театра, они интересно говорили о работе актера, о своем любимом режиссере Ю. Мильтинисе. Пушкинские строки «Пира во время чумы» помните? — «Есть упоение в бою...», средневековые и старый Каунас, вечные вопросы творчества. Там я вдруг поняла, что мир всегда спасала доброта не всепрощения, а всепонимания...

— У вас ставят пьесу З. Богуславской «Контакт». Это о «телефоне доверия», психологах, «службе спасения», которая помогает огчаявшимся и одиноким, которым нужно участие и теплота...

— Это работа молодежи нашего театра, поставил «Контакт» наш актер Е. Лисконог. Худсовет одобрил. И, говорят, что будут включать в репертуар...

Для меня это было продолжением уникального душевного состояния, которое сложилось после съемок «Трагедий». Грубо говоря: состояние полета...

— Кстати, о состоянии. Вы — актриса вахтанговской школы. Объясните слова Евгения Вагратионовича, ставшие классикой: «Театр — праздник, — говорил создатель «Принцессы Турандот». — В студию надо приводить праздничными. Нужно, чтобы в душе художника звенели серебряные колокольчики! Или огромные колокола! Нельзя творить искусство в обычном, повседневном, будничном самочувствии».

Но ведь для актера — это труд, а труд — все-таки будни.

— Нет-нет, это обязательно — радость. Если сам, в душе, не обрадуешься — ничего на сцене не получится.

— Может, радость — это скрытое волнение?

— Мне кажется, я никогда не волнуюсь. А зритель — он всегда

чувствует твою радость, даже восторг — и откликается. Зал ведь всегда слышишь, как бы ни был увлечен. Просто знаю — если есть радость, то все в порядке, смело иди. Сколько я наблюдаю за нашими актерами — и рядом, и из-за кулис, по-моему, именно радость — главное в состоянии Юрия Васильевича Яковлева. Он прирожденный артист, истинно вахтанговский. Учусь у него.

— Надо думать, с учителями вам повезло?

— Да, Алла Александровна Казанская — мой педагог по актер-

скими актерами — разве не школа? Никогда не забуду Н. С. Плотникова. В «Коронации» Л. Зорина я играла «его», академика Камчатова, внучку Аню. Спектакль еще в 1968 году выпускал Рубен Симонов, меня ввели в него почти через десять лет, и — удивительно! — это был «свежий», живой спектакль... Вечер на сцене с Плотниковым... Сколько счастья было, когда он говорил после занавеса: «Сегодня ты молодец, нашла верный тон — низкий и глубокий...». Этот тон «узнала в себе», когда меня ввели вместе

шла на ум именно эта мысль? «Подождите, сейчас придумаю, как сказать». Чуть заметно напряжение: ищет объяснение своего состояния. Привычка: как на репетиции...

— В театре мне до сих пор многое непонятно. Очень интересно смотреть, как работает Ирина Купченко. Когда видишь ее близко — так много всего, — смотришь во все глаза. На расстоянии же что-то теряется. Не случайно попала она в фильмы Михалкова-Кончаловского. Да и в кино много неясного: не люблю вспоминать «Ру-

— Это всегда очень страшно, когда тебя вдруг отмечают. Сразу думаешь, что требовать с тебя станут больше, а ты все такая же.

— Не зря говорят, что после моды на режиссерский театр на современной сцене снова в центре внимания актер с его духовным содержанием, человеческими качествами...

— Вот именно. Мы обязаны не только воспитывать в себе профессионализм, «нарабатывать технологию», но и строить в себе личность, что называется, копить свой актерский «материал». Зритель всегда прав: он идет смотреть на Ульянова или Яковлева, потому что они ему интересны как люди. И этот интерес надо заслужить. На днях зрители спросили нашу ведущую актрису: вы легко можете на сцене заплакать, это, наверное, привычка? Она ответила очень коротко: «Разве есть у нас такая машинка: надо — заплакала... Нет, мы также рвем нервы, также переживаем...».

— Но ведь есть и приемы мастерства?

— Не знаю. Любое повторение — штамп. Однажды я заметила за собой (играла Соланж, дочь Жорж Санд), в спектакле «Лето в Ноане», что публика в нужном месте смеется, я этот смех вызывала, не участвуя душой, душа у меня оставалась холодная, как лягушка... Мне стало страшно, такого мастерства не хочу...

В Новосибирске, где живут ее родители и брат — семья геологов, — Свету случайно увидел в спектакле студии Никита Михалков и посоветовал учиться в Шукшинском. О трудностях постижения актерского ремесла, годах ученичества она говорить не любит. Слова выбирает единственно нужные, чтобы не было лишнего. Если бы не театр, тоже стала бы геологом. Смеется: «Ушла бы в леса...». Сама не верит.

— Вы нашли свою человеческую тему в театральных работах?

— Мы уже говорили о молодежном спектакле «Контакт», который, надеюсь, увидит большую сцену. Добиться человеческого всепонимания, помогать в этом — по-моему, это самое важное.

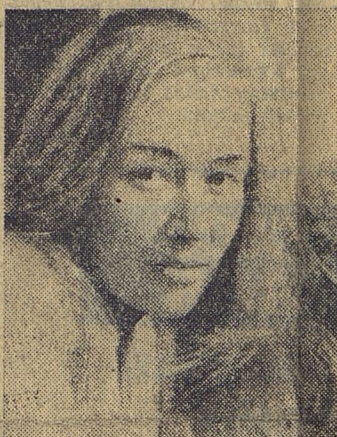
Любимые занятия? Весело хохочет: «Книжки люблю читать — вот и все». Подумав, добавила: «Плывать и много ходить пешком...» Представляю, как идет она, когда нет спектакля, по Арбату — высокая, тоненькая, простоволосая, в брюках и куртке. А встретившись взглядом — сразу вспомнишь: она смотрит с экрана так, как будто видит именно тебя, и именно ты ей интересен.

Книги, которые читает сегодня: о театре и кино, стихи Анны Ахматовой, философские трактаты Ибн-Сины, вглядывается в альбом современных чешских художников. В Алма-Ате побывала на всех художественных выставках. Увлекается психологией, не пропускает ни одного издания — от популярных, серии «Эврика» — до медицинских. Актеру все нужно...

Л. ЛУКИНА.

КОЛОКОЛА И КОЛОКОЛЬЧИКИ

Светлана Переладова — молодая актриса театра имени Евгения Вахтангова, который закончил свои гастроли в Алма-Ате. Всего пять лет назад она закончила Шукшинское училище. В «послужном» списке актрисы «Лето в Ноане» Я. Ивашкевича, «Великая магия» Э. де Филиппо,

«Леший» А. П. Чехова, «Гибель эскадры» А. Корнейчука.

На экранах кино и телевидения вы могли ее видеть в фильмах «Рудин», «Концерт для двух скрипок», «Маленькие трагедии» и еще двух (бывают же совпадения!) — «Рыжий самолет» и «Красный велосипед».

Встреча для вас

дина», хоть и играла там с Олегом Ефремовым, получилась кукла какая-то, не человек.

— Но ведь есть уже о чем вспомнить?

— Хочется не вспоминать, а думать о том, что еще может быть, будет.

Были безумно интересные пробы в Останкино, у А. Эфроса. Александр Калягин — Гамлет, я — Офелия. Снимали нас разными камерами, я его даже не видела. Но обострился слух — я его слышала и чувствовала его присутствие. Возможно, оказывается, и такое партнерство. Уже после съемок, в автобусе (я, конечно, понимаю, что Александр человек увлекающийся), он говорил: «Как будто у нас получилось, да? Как тебе показалось?».

— И как показалось?

— До этого были пробы на ЦТ на роль Ларисы Огудаловой из «Бесприданницы». Мне тоже все казалось и казалось: получается! А фильм так и не вышел. Если бы все зависело от нас. Могут заметить, мало ли что...

Иногда она поправляет цветы. Лохматые хризантемы льнут к ее рукам и как будто трутся о них щекой, похожие на щенят...

— Мирослав Белович, известный югославский режиссер и профессор факультета драматических искусств (он ставил в нашем театре «Господ Глембаи» и «Великую магию»), сказал недавно, что «стабильность — сберкнижка театра, но она же — «шагреневая кожа». О будущем надо заботиться сегодня. Театральный обозреватель газеты «Правда» отметил недавно вашу работу...

скому мастерству в училище, и сейчас в театре ее опеку я очень ценю. В работе с ней я поняла, что же такое знаменитый кнебелевский «действенный анализ», когда образ лепится из маленьких кусочков твоего состояния и все эти этюды, накапливаясь количественно, вдруг переходят в качество...

— Так уж и вдруг? А как же с определением внутреннего драматизма роли? Да мало ли еще актерских премудростей...

— Это, конечно, не я придумала, но очень хорошо поняла сама, и теперь мне кажется, что это и мое открытие. Может быть, самое главное в роли даже не происходит на сцене во время спектакля, где идет какой-то «кусочек» жизни. А произойдет где-то потом или уже случилось. Когда ты на сцене «человек с судьбой», то все получилось, роль состоялась. Надо все знать про своего героя.

И вообще играть с нашими ве-

Юлии Константиновны Борисовой в «Гибель эскадры», на роль женщины-комиссара. Узнала — и как будто услышала Николая Сергеевича. Плотников любил повторять: «Главное — не собой заниматься, а партнером, если даже партнер плохой». Не уставала наблюдать Н. О. Гриценко, какой это был актер!

Несмотря на открытость и доверчивость Светланы, разговаривать с ней непросто. Поначалу чувствуешь себя немного «на экзамене»: пристальный взгляд серых глаз не просто внимателен, он как бы растворяется в тебе. Но чуть позже наполняется пониманием, интересом, готовностью к соразмышлению и к соучастию. Голос с хрипотцой, отмахивается: «Давно не разговаривала». «Сделала» голос — и он удивляет музыкальностью: женственный, теплый, чуть ироничный... Наблюдает не только за тобой — что и как говоришь, за собой — тоже: как при-